

Глава 27

Владимир Максимов

Путь наверх. На вершине «Континента».
Атака на Белля и Брандта.
Как поссорились Владимир Емельянович
с Андреем Донатовичем.
Покушение на Виктора Некрасова.
Ненависть к чехам и словакам.
Симметрия: в эмиграции Солженицын и Максимов,
в стране — Ельцин и Путин

Вернусь к «грандам» новой эмиграции. Второе место в эмигрантской табели о рангах после Солженицына занимал Владимир Максимов. Если Солженицын был, так сказать, аятоллой эмиграции, то Максимов — премьер-министром!

В 1974 году на книжной ярмарке во Франкфурте, где проходила презентация первого номера «Континента», я имел единственную в жизни беседу с Максимовым — брал у него интервью для «Свободы». В интервью участвовал и Александр Галич, который, как я уже упоминал, вслед за вступлением в ТНС, стал членом редколлегии маскимовского журнала «Континент» и порученцем Максимова.

После окончания интервью зашел разговор о газетной полемике Максимова и Синявского с Генрихом Беллем и Гюнтером Грассом, которая имела место незадолго до того. Белль и Грасс выступили в немецкой прессе с обращением к создателям «Континента», в котором они упрекали их в том, что прибегнув к финансовой помощи Шпрингера, выступая в его газетах, восхваляя его и других правых деятелей Германии, они втянулись таким образом во внутригерманскую политическую борьбу, поддерживая своим авторитетом силы, далекие от искреннего уважения к демократическим правам и к борьбе советских диссидентов.

Максимов и Синявский, как я уже упоминал, опубликовали написанный явно Максимовым хамский ответ Беллю и Грассу, в котором говорилось, что они не намерены выслушивать мораль от людей, поддерживающих социализм в любом его виде.

Комментируя эту полемику, Максимов «номенклатурным», не допускающим возражений тоном стал изрекать обвинения в адрес Белля: «Шесть часов говорил я с этим мудаком. Я ему про ГУЛАГ, про Россию, а он мне про черножопых В Африке». Эту фразу я запомнил дословно. Галич поддакивал шефу.

Откуда же и как пришел, взлетел Максимов? В 60-х годах он был членом редколлегии журнала «Октябрь», который редактировал тогда махровый сталинист Всеволод Кочетов. Время от времени Максимов выступал в этом журнале с передовицами, поддерживая линию партии в руководстве литературой. В архиве «Свободы», в седьмом номере «Октября» за 1963 год я наткнулся на одну из таких передовиц Максимова «Эстафета века» под рубрикой «Слово о партии»:

«С самого начала нашего столетия передовой отряд рабочего класса, — пишет Максимов, — начал величайшую битву за переустройство мира как в сфере материальной, так и духовной. И с первых же своих шагов огромное внимание партия уделяет становлению социалистической литературы...

После справедливой и принципиальной критики в адрес формализма, прозвучавшей на встречах руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, кое-где подняла голову воинствующая серость, прикрывающая псевдоидейностью свою полнейшую профессиональную несостоятельность».

Выделен мною уже знакомый читателю штамп в полемике Максимова с «чуждыми элементами». В передовице много и других перлов, вроде: «...всяким попыткам разъять нерасторжимое положение марк-систско-ленинской эстетики ...надо давать решительный отпор».

В начале 70-х годов Максимов неожиданно оказывается в лагере «воинствующей серости». Сидел он в этом лагере тихо, пассивно, в основном его можно было встретить, и я однажды встретил, на околодиссидентских застольях. Запомнился он мне мирным, скучающим, пьяненьким.

И вдруг в 74-м году он делает дерзкое заявление для немецкой прессы, которое широко тиражируется в ФРГ. А именно, что социал-демократ Вилли Брандт, тогдашний канцлер ФРГ, за свою восточную политику детанта должен предстать перед международным трибуналом типа нюрнбергского!

Сахаров считал даже необходимым выступить с заявлением, в котором он решительно дезавуировал слова Максимова. Многие могут в чем-то не соглашаться с политикой Брандта, писал Сахаров, но большинство свободомыслящих людей в СССР, и он, Сахаров, в том числе, с большим уважением относятся к Брандту.

Вскоре после этого Максимов эмигрирует и тут же в кратчайшее время, как по мановению волшебной палочки, создает журнал «Континент» на деньги правого медиамагната Акселя Шпрингера. Выступление Максимова против Брандта было, очевидно, учтено этим меценатом, послужило этаким задатком.

На Западе Максимов принялся вновь чернить Брандта, а заодно и других левых (в понятии Максимова) деятелей, относя к ним, например, Генри Киссинджера! Так, в «Континенте» № 9, в колонке редактора он вновь предрек, что рано или поздно «политическим ханжам и лицемерам типа Киссинджера, Пальме и компании (в нее он включал также В. Брандта и Г. Белля. — В. Б.) придется ответить перед человечеством по всей строгости законов, принятых в свое время в Нюрнберге».

На этот раз возмущение Максимова вызвала деятельность упомянутой «компании» по... освобождению африканских государств от колониального ига! «Если в Африке случится худшее, кровь будущих жертв, — писал Максимов, — как и уже пролитая кровь сотен тысяч ни в чем не повинных людей во Вьетнаме и Камбодже, в первую очередь падет на них». То есть на «компанию» Киссинджера—Пальме—Брандта—Белля.

Как видим, с первых же шагов за рубежом Максимов начал дискредитировать российских диссидентов и эмигрантов в глазах западных демократических кругов. И уже этих первых шагов и заявлений Максимова, казалось бы, должно было хватить для всех эмигрантов демократической ориентации, чтобы понять, что представляет собой Максимов, и отстраниться от не-

го. Но вместо этого элита новой эмиграции буквально стадом кидается под сень его руки. Помогают Максиму Солженицын, Синявский, ответственным секретарем «Континента» становится Игорь Голомшток, человек из группы Синявского. В редколлегию вступают

А. Галич, Н. Коржавин. Разумеется, поддерживают Максимова и НТС с РНО, и клан «Русской мысли». В редколлегию «Континента» по приезду на Запад вступают Виктор Некрасов (занимая пост заместителя Максимова), Наталия Горбаневская, Василий Аксенов, Иосиф Бродский, Владимир Буковский, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Эдуард Кузнецов, Эрнст Неизвестный. К сожалению, вступает и Сахаров. Находясь в Москве, он, конечно, не мог знать всех нюансов ситуации в эмиграции. Но он не вышел из редколлегии и позже, когда линия журнала и его редактора стала уже известна в Москве. О своих расхождениях с Максимовым Сахаров писал на страницах «Континента», но в редколлегии продолжал оставаться. Возможно, сказались его стремление сохранять единство диссидентских рядов, его мягкость в отношениях с людьми и нелюбовь к «внутрипартийным» разборкам. Это, наверное, тот случай, когда продолжение достоинств превращается в недостаток.

Максимов между тем продолжал усиливать свои выпады против западных кругов, поддерживавших советских диссидентов, заодно очерняя и западную демократическую общественность в глазах читателей «Континента».

Знаменательным в этом отношении становится 19-й номер «Континента» (1979). Там Максимов, во-первых, печатает свой скандально знаменитый пасквиль на западное общество — «Сагу о носорогах». «Сага» эта посвящалась им Эжену Ионеско и соотносилась в своей «образности» со знаменитой пьесой последнего «Носороги». Состояла она из отдельных коротких очерков о западных общественных и государственных деятелях, которые аллегорически представлялись автором особями носорожьего стада. Никого из них Максимов трусливо не называл по имени, но было ясно, о ком идет речь.

«Из огня да в полымя, — жалуется Максимов во вступлении, — стоило уносить ноги от диктатуры государственной, чтобы сделаться мальчиком для битья при диктатуре социального снобизма! В известном смысле все то же самое: цензура, деление на своих и чужих, издательский бойкот, конформизм наизнанку, только под респектабельным демократическим соусом. И способ полемики тоже давно знакомый по душевительным разговорам в кабинетах Старой площади: ты ему про конкретные факты, а он тебе про угнетенных Африки и классовую борьбу» (с. 21).

Это, значит, опять камень в огород Генриха Белля! Ему посвящена и отдельная «новелла» в «Саге». Для молодых читателей напомню, что Г. Белль, нобелевский лауреат по литературе, христианский писатель, антифашист и правозащитник, очень много сделал для защиты преследуемых в СССР диссидентов. Когда Солженицын был выдворен на Запад и доставлен под конвоем на советском самолете во Франкфурт-на-Майне, то встретил его на аэродроме Генрих Белль, и первое время Солженицын жил у него в доме, а потом, разумеется, совершенно порвал с ним.

И вот текст о Белле в «Саге»: «С этим мы только что познакомились. Тих, вкрадчив, с постоянной полуулыбкой на бесформенном или, как у нас в России говорят, бабьем лице. Глаза грустные, немигающие, выражаясь опять-таки по-русски, телячьи. Знаменит, увенчан. Усеян.

И так далее, и так далее. Широко известен также разборчивой отзывчивостью и слабостью к социальному терроризму.

Битый час слезно молю его вступить на предстоящем заседании ПЕНа в Белграде за погибавшего в то время во Владимирской тюрьме Володю Буковского.

— Да, да, — мямлит он расслабленными губами, — конечно, но вы не должны замыкаться только в своих проблемах. В мире много страданий и горя, кроме ваших. Нельзя объяснить индусской многодетной женщине ее нищету феноменом ГУЛага. Или посмотрите, например, что творится в Чили. Я уже не говорю о Южной Африке...

«Господи, — пристыженно кляню я себя, — что ты пристал к человеку со своими болячками! У него сердце обливается кровью за малых сих. Ведь каково ему сейчас в роскошной квартире (*выделено мною, как пример низости Максимова. Никакой роскоши в доме Белля не было. В.Б.*) со скорбящей душой, когда кровожадные плантаторы лишают несчастных папуасов их доли кокосовых орехов! Поимей совесть, Максимов!»

— И вообще, самый опасный вид насилия — это все-таки эксплуатация. Прежде всего надо справедливо распределить материальные ценности. Вы же христианин, — он даже откидывается на спинку кресла, считая этот свой довод неотразимым, — Христос тоже прежде всего делил хлеб.

В отвердевшем, с горячей поволокой взгляде его — торжество уверенного в себе триумфатора. И невдомек этой закаменевшей во лбу особи, что Сын Божий делил Хлеб свой и добровольно, а он жаждет делить чужой, к тому же с помощью автомата и наручников» (с. 24–25).

Все это, разумеется, смесь лжи, клеветы и издевательства.

«Новелла» о Вилли Брандте. Напомню читателям, Брандт смолоду был антифашистом и после прихода к власти Гитлера бежал в Швецию и жил там до конца войны. Став после войны бургомистром Западного Берлина, он во время советской блокады Берлина организовал вместе с американцами, с Дж. Кеннеди, снабжение западных секторов города, в результате чего блокада потерпела крах. В качестве канцлера ФРГ во время визита в Польшу совершил исторический акт покаяния: стал на колени перед памятником жертвам восстания в еврейском гетто и от имени немецкого народа попросил прощения у евреев мира за нацистские зверства и Холокост. Всем своим поведением Брандт снискал свирепую ненависть советских властей. За политику разрядки напряженности ему была присвоена Нобелевская премия мира. Как и Белль, он боролся против колониализма. На мой и многих людей взгляд, включая А. Сахарова, Брандт был одной из самых светлых фигур среди государственных руководителей в истории Германии и мира.

И вот что написал о нем Максимов:

«Теперь следующий. По миротворческой, так сказать, линии. *Перековавшийся на голубя мира ястреб холодной войны. (Выделено мною. Проговаривается здесь Максимов! Ведь он же обвиняет Брандта как раз в том, что он «голубь»!* «Ястребом» его называла советская пропаганда. В.Б.) Перековывался без отрыва от основного производства по окончательному преобразованию европейской социал-демократии в услужливую разновидность еврокоммунизма. Попивает. Слаб к женскому полу. С годами становится все слезливее. От умиления облакал пиджачные лацканы у всех нынешних заплочных дел мастеров от Брежнева и Кастро до Герекки и Амина Дады включительно. Завидует: ведь как здорово устроились, никакой тебе оппозиции, сплошная лояльность!»

В ответ на просьбу принять и выслушать Буковского небрежно цедит:

— Буковский не из числа моих московских друзей.

Что правда, то правда. У него в Москве другие собеседники, собутыльники, соратники. Те самые, которые запытали в подвалах Лубянки русскую социал-демократию, те самые, по законам которых социал-демократическая деятельность приравнивается у них к уголовному преступлению, те самые, что стоят за спиной восточноберлинских пограничников, стреляющих в спину его бегущим на Запад соотечественникам. Хороши друзья, ничего не скажешь!» (с. 29).

Между прочим, преемник Брандта на посту канцлера и его однопартиец Хельмут Шмидт, продолжая политику Брандта, сыграл решающую роль в установлении на немецкой территории американских крылатых ракет средней дальности, ответное производство которых в СССР повело к разорению советскую экономику, что и закончилось крахом режима.

И последний примечательный сюжет: «Еще один экземпляр с той же носорожьей хваткой. Неопределенного возраста, пола и даже национальности. То ли офранцузенная русская, то ли обрусевшая француженка. Воплощает собою полное единство формы и содержания: всем природа обделила, как Бог черепаху. Прodelала извилисто целеустремленный путь от французской компартии до советского сыска. Подвизается то ли секретарем, то ли соглядатаем в комитете то ли физиков, то ли химиков, то ли зубных врачей. Комитет, впрочем, не занимается ни физикой, ни химией, ни зубными протезами, а исключительно Правами Человека, причем в мазохистском духе. Когда у партаймадам осторожно спрашивают об удивительных метаморфозах ее общественной карьеры, она устремляет на любопытствующих торжествующий взор рыбьего колера:

— Диалектика!

Интересно бы знать заранее, каким диалектическим манером сумеет вывернуться она, когда ее наконец приведут с кольцом в ноздре в следственное стойло, где будут разбираться дела носорогов — стукачей, бывших на подножном корму у советского гестапо?» (с. 28, выделено мною. — В. Б.).

Этот сюжет, как и предыдущие, тоже «воплощает собою полное единство формы и содержания». Я знал эту женщину. Меня познакомил с нею Леонид Плющ, в спасении которого она и профсоюз преподавателей, в руководстве которого она состояла, сыграли решающую роль. Участвовала она и в вызволении из СССР других диссидентов, подвергавшихся там репрессиям.

Особая подлость заключается здесь в намеке по поводу «неопределенного пола» этой женщины. Дело в том, что во время войны, как мне объяснили в Париже, она находилась в немецком концлагере и там была нацистскими «врачами» стерилизована. «Намек» этот вызвал ужас в Париже.

Замечательна здесь и непринужденность, с какой Максимов зачисляет объект своей сатиры в агенты «советского сыска», пребывающего на «подножном корму у советского гестапо».

В первом варианте «Саги», напечатанном в «Русской мысли», был сюжет и о Белле Ахмадулиной и ее «муже из КГБ». Чем-то, видимо, Белла не угодила Максиму. Но писатели из его окружения умолили его выбросить этот сюжет из «Саги». Сюжет о французской правозащитнице их не взволновал!

Далее, в том же 19-м номере «Континента» на задней обложке была напечатана ксерокопия листовки, которую якобы разбрасывали американцы и англичане во время войны с Германией среди власовских солдат. Вот ее полный текст, как он был отпечатан в журнале:

«Солдаты!

Если вы перейдете на сторону Союзников, с Вами будут хорошо и дружески обращаться. Вас будут хорошо кормить — одинаково как Союзных солдат. Помните, что Союзники ваши друзья, и не верьте тому, что говорят вам немцы — они вам врут.

Перейдете ли вы к нам добровольно или будете захвачены в честном бою, с вами будут обращаться по добру — по хорошему. Только дайте понять нашим солдатам, что вы сдаетесь. Подымайте руки, когда подходите к нам. Снимайте ваши шлемы.

Сохраните эту листовку. Покажите ее союзным солдатам, когда будете сдаваться».

И ниже примечание редакции: «Такие листовки разбрасывали союзники в тылах у врага в конце сорок пятого года. Все, кто поверили обещанным в них гарантиям, были выданы вскоре на расправу Сталину».

То есть обманули западные демократы бедных русских «коллаборантов», нельзя им верить.

И в номере не было никакого материала на данную тему, который описывал бы историю и давал объективную оценку этой листовке. Если она вообще существовала на свете!

В целом этот номер журнала поверг меня, что называется, в состояние шока. Тогда я и спросил Иржи Пеликана, не думает ли он, что Максимов — попросту агент, Азеф с Лубянки? Читатель помнит, что ответил Пеликан? «Если бы такое случилось в чешской эмиграции, то да, а в русской это еще ни о чем не говорит!»

Между прочим, в чехословацкой эмиграции чрезвычайное возмущение вызвал появившийся в 1985 году роман Максимова «Звезда адмирала», в котором прославлялся адмирал Колчак и обливались грязью офицеры и солдаты чехословацкого корпуса за то, что они в 1919 году вышли из борьбы с большевиками.

Напомню, что одной из причин этого ухода от борьбы было нежелание чехословацкого корпуса прикрывать жестокие репрессии, чинимые армией Колчака в Сибири. В обращении к представителям стран Антанты в ноябре 1918 года руководители корпуса писали о том, что «под защитой чехословацких штыков местные военные русские органы позволяют себе такие дела, над которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, убийство мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда людей демократических единственно по подозрению в политической нелояльности — составляют обычное явление, а ответственность за все это перед судом народов целого света падает на нас за то, что мы, располагая военной силой, не воспрепятствовали этому бесправию».¹

Об этой причине выхода чехословацкого корпуса из Гражданской войны в нашей стране мало кто знает. О ней умалчивала советская пресса: нельзя же показывать, что враги революции (чехи и словаки) были гуманными людьми; умалчивает и пресса нынешняя, антисоветская: нельзя же показывать, что борцы с большевиками (колчаковцы) были извергами. Ничего не пишет об этом и Максимов.

¹ Политический дневник. Амстердам. Фонд им. Герцена. 1972. С.568

Зато Колчак у Максимова говорит командиру чехословацкого корпуса генералу Сыровому о его солдатах: «Они ведут себя в приютившей их стране, как шайка обезумевших мароде-ров, изменивших одной присяге, а теперь и другой, и все это ради спасения собственной шку-ры. ... Чего вы стоите со своим воинством, Сыровой, плевка не стоите!»

Воссоздание независимой Чехословакии максимовский Колчак комментирует в этой «бе-седе» следующим образом: «Под шумок большой войны, за спиной у истекающей кровью Ев-ропы, вырыли себе свою национальную нору и думаете отсидеться в ней от всемирного пото-па. Не получится, Сыровой, рано или поздно, но потоп этот доберется и до вашего иллюзор-ного убежища, где вы вознамерились теперь избавиться от своей лакейской мизерабельности за счет чужой крови, но она настигнет вас, эта кровь, и падет, если не на вас, то на ваших де-тей».

И в конце романа Максимов помещает заявление ТАСС от 21 августа 1968 года о вступле-нии войск Варшавского договора в Чехословакию. Пророчество Колчака сбылось, возмездие настигло Чехословакию!

Журналы и газеты русской эмиграции немедленно начали печатать отрывки из этого ро-мана. «Выход каждой новой книги Максимова — это всегда событие в литературно-политиче-ской жизни русского зарубежья», — писала пресса эмиграции. Максимов наряду с Солжени-цыным был вождем эмиграции, а книги вождей российские люди привыкли почитать. (Часто при этом их не читая!)

Как видим, черная ненависть к чехам и словакам объединяла «антикоммуниста» Макси-мова и «коммуниста» Брежнева, журналистов эмиграции и КПСС.

Весьма интересна деловая переписка Максимова, которую он вел очень энергично. Вот две выдержки из его писем, попавших ко мне через Аниту, которая, напомним, работала в магази-не оптовой книги Нейманиса, распространявшего «Континент».

Из письма Максимова О. Нейманису от 2 марта 1984 года:

«Никакой Фрайбург, ни все фрайбурги вместе взятые не вправе распоряжаться судьбами русского «Континента» за нашей спиной. К сожалению, в Германии, видимо, еще не переве-лись люди, которые никак не могут забыть о тех золотых временах, когда русские «унтермен-ши» гнули на них спину на их скотных дворах за брюквенную похлебку или умирали от голо-да в их лагерных бараках. Но им, этим людям, следует зарубить на их носу, что времена эти прошли и никогда более не вернуться, а если, паче чаяния, и вернуться, то закончатся для них еще хуже, чем в прошлый раз.

Исходя из всего вышеизложенного, я просил бы Вас строить с нами в будущем свои взаи-моотношения. Разумеется, если у Вас есть намерение продолжать их».

В российской эмиграции это называлось: «Подождите, наши придут, они вам покажут!».

Поясню, Фрайбург был связан с Нейманисом в распространении «Континента» по магази-нам в ФРГ и чем-то прогневил Максимова.

Примечательно еще и такое письмо к Нейманису от 1 июля 1983 года: «Мы отдаем себе от-чет в том, что столь выдающемуся книжному гешефтеру как Вы, круглосуточно занятому гло-бально важным делом распространения великих произведений столпов современной мысли и литературы вроде Эфраима Севелы, Вадима Белоцерковского и Аркадия Львова и несущему

ответственность за фирму с многомиллионным оборотом и сотнями служащих, просто недосуг заниматься нашим маленьким и нерентабельным изданием».

Максимов обложил меня самыми низкопробными, с его точки зрения, авторами.

Однажды Нейманис спросил Аниту: «Чем ваш муж так насолил Максиму? Стоило мне упомянуть его имя, как он разразился такой бранью, что пришлось отстранить трубку от уха. Мне казалось, что он мне его заплюет!».

Фраза о «многомиллионных оборотах и сотнях служащих» — издевка Максимова. Магазин был маленький. Между прочим, на вопрос Нейманиса у меня тоже не было ответа.

Как поссорились Владимир Емельянович с Андреем Донатовичем

Ссора была «непрозрачной» по мотивам. Ходили только слухи, и по ним получалось, что поссорились Андрей Донатович Синявский с Владимиром Емельяновичем Максимовым из-за того, что Максимов не захотел вводить в редколлегию «Континента» жену Синявского — Марию Розанову, женщину с большими амбициями и авторитарным характером, которую часто называли «Максимовым в юбке».

И непонятно было, сам ли Синявский ушел из «Континента» или Максимов его выставил? Ушел Синявский вместе с Игорем Голомштоком. Синявский после этого вернулся на либеральные (в западном смысле) позиции, на которых он находился в Москве, сотрудничая с «Новым миром», а Максимов остался на авторитарно-националистических, на которых стоял и в Москве, будучи членом редколлегии сталинистского журнала «Октябрь».

Но у Максимова остался в руках «Континент», и он развернул в нем компанию против Синявского. Так, 23-м номере «Континента» (1980) Максимов в колонке редактора квалифицирует «деятельность» Синявского как «провокационную возню» в угоду КГБ, обвиняет его в провоцировании конфликтов в эмиграции и присовокупляет, что Синявский якобы после семи лет эмиграции получил «от родного правительства постоянный советский паспорт для проживания за рубежом».

Все это, конечно, было ложью. (В частности, срок советского паспорта Синявского истек в августе 1979 года.) Давно уже необходимо было коллективное выступление участников правозащитного движения, чтобы раз и навсегда дезавуировать Максимова как представителя советского диссидентства. После этого у него, наверное, не осталось бы в руках и журнала, который он использовал в качестве инструмента власти над эмигрантами.

И на этот раз несколько человек во главе с В. Турчиным, Т. Венцловой, П. Литвиновым, И. Голомштоком и А. Амальриком собираются и пишут открытое письмо Максиму. Пишут правильные вещи:

«Ваши выступления Вы нагнетаете в нашу среду атмосферу Союза советских писателей. Вы бросаете тень не только на редактируемый Вами журнал, но и на все наше общее дело, на наше движение, которое, если Вы помните, в истоках своих было связано с судебным процессом Даниэля и Синявского, и борцом за которое Вы / себя провозглашаете» (выделено авторами. — В. Б.).

И авторы письма получают нормальный максимовский ответ (Континент. № 25):

«Писатель Владимир Максимов на страницах своего журнала («Континент», № 28, с. 407—408) по существу назвал русского литератора, бывшего советского политзаключенного Андрея Синявского неорасистом, фашистом, последователем расовых теорий Розенберга.

Я обращаюсь к авторам, редакторам, читателям «Континента» и не в последнюю очередь к членам его редакционной коллегии: потребуйте у Максимова недвусмысленного публичного извинения перед Синявским.

Я предлагаю, в случае если Максимов откажется извиниться, прервать всякую форму сотрудничества с ним и его журналом.

Павел Литвинов, Тэrrитаун, Нью-Йорк, США».

Это обращение не вызвало никакой реакции в «черной дыре» русской эмиграции. Молодым читателям напомню, что Павел Литвинов — один из зачинателей правозащитного движения в СССР и организатор героической демонстрации семерых диссидентов в августе 1968 года на Красной площади в знак протеста против оккупации Чехословакии.

И еще отмечу, напомню, что когда погиб Амальрик, никто, как я уже говорил, не поднял голоса в его защиту, не потребовал и не провел расследования! Не тот ранг был у Амальрика по сравнению с Синявским?

В том же 29-м номере помещены высказывания Иосифа Бродского и Эрнста Неизвестного о «Континенте» и Максимове. (В связи с вопросом, надо ли изменять статус редколлегии?)

И. Бродский:

«У меня ни с «Континентом», ни с его главным редактором никаких разногласий нет. У меня как писателя, как человека — с Максимовым гораздо больше общего, чем с кем бы то ни было».

Э. Неизвестный:

«Считаю для себя честью быть членом редколлегии «Континента»».

Запомнилось выступление в защиту Максимова Василия Аксенова, который обвинил критиков Максимова в том, что они спорят со «звериной серьезностью!» Можно подумать, что Максимов и Солженицын спорят с юмором и улыбкой!

Опираясь на поддержку элиты эмиграции, Максимов спокойно продолжал свою линию на дискредитацию Запада в глазах советских людей и дискредитацию советских диссидентов в глазах Запада. Примерно в это время он начал вместе с Солженицыным усиливать и кампанию дискредитации русской службы «Свободы», о чем я уже рассказывал.

Как и все деспоты, Максимов время от времени подвергал своих соратников опале. Так, в опалу попал и был устранен от «двора» Анатолий Гладилин. Потом очередь дошла и до Виктора Некрасова. В 1982 году Максимов и Солженицын при поддержке НТС одержали «великую победу»: по их рекомендации новый руководитель «Совета международного радиовещания» (при Белом доме) назначил директором «Свободы» члена редколлегии «Континента» Джорджа Бейли. (Об этом событии речь впереди.)

После этого Максимов позвонил Виктору Некрасову, сообщил радостную весть (о назначении Бейли) и, торжествуя, объявил, что теперь «мы начнем чистку на «Свободе» и одним из первых вычистим Гладилина. Это, видимо, была проверка на преданность: Максимов знал, что Некрасов дружил с Гладилиным. И Некрасов проверки не выдержал — попытался защи-

тить Гладилина. Возмущенный Максимов бросил трубку. Но через минуту снова позвонил и сообщил Некрасову, что он уволен из «Континента»!

Вскоре Некрасов получил официальное, на бланке журнала, уведомление:

«Уважаемый господин Некрасов!

Ваше дальнейшее сотрудничество с журналом «Континент» в любой форме мы, то есть, редакция, считаем невозможным.

От имени редакции

В. Максимов».

А дело тут еще было в том, что Некрасов, работая у Максимова, не приобрел прав на государственную, социальную пенсию. То есть оставался без средств к существованию. Серьезных гонимых никто из русских писателей на Западе, за исключением особо знаменитых, не имел.

Некрасов обратился к администрации «Свободы» с просьбой увеличить его участие в радиопрограммах в качестве внештатного автора. И ему пошли навстречу. Максимов узнал об этом и отправил на имя высших чиновников РС, включая Бейли, меморандум (от 23 декабря 1982 года) с целью перекрыть для Некрасова и этот источник доходов.

«Кто, почему и по какому праву, — грозно вопрошал Максимов, — использует свое служебное положение, чтобы за счет государственного бюджета сводить с кем-то личные счета и подогревать в эмиграции конфликтные ситуации? И разве для увеличения кому-либо количества радиопередач требуется нечто большее, чем их качество? (Это о «качестве» Виктора Некрасова! — В. Б.)

Мы надеемся, что ваше личное вмешательство и беспристрастное расследование изложенного нами дела не заставят себя долго ждать».

Это был дорогой подарок — увольнение Некрасова — для советской пропаганды! Вот, мол, что ждет на Западе русских писателей!

Не знаю, вняли ли руководители радиостанции требованию Максимова, но в любом случае заработки Некрасова на «Свободе» не могли быть достаточными. И тут неожиданно понял ситуацию спонсор «Континента» Аксель Шпрингер и назначил от себя пожизненную пенсию Некрасову! Так был спасен от нищенской участи замечательный русский писатель и участник Сталинградской битвы, автор знаменитой повести «В окопах Сталинграда». И спас его немец Шпрингер! Задумайся, читатель!

С началом перестройки Максимов стал рваться к первым лицам новой России, хотел, как и в эмиграции, занять видное, руководящее место. (Чтобы оправдать пророчество Довлатова!). Выделю здесь его статью или обращение (опубликованное уже в российской прессе) о том, что агенты ЦРУ пронизали все властные структуры России (как раньше агенты КГБ наводняли «Свободу»). Замечательное письмо направил он и непосредственно Ельцину, протестуя против враждебной интересам России внешней политики Козырева. «Но у него есть в запасе вторая родина, а у нас с Вами — только одна!» — писал Максимов, имея в виду, что Козырев наполовину еврей.

И вот такие люди были вождями русской эмиграции. Красивая получается симметрия: в эмиграции Солженицын и Максимов, а в России вслед за тем Ельцин и Путин!

А ведь были в эмиграции люди противоположной природы — люди доброй воли, — которые могли бы стать политическими лидерами. Назову Юрия Орлова, Валентина Турчина, того же Андрея Амальрика.

Напомню, Орлов — член-корреспондент Армянской АН по физике, создатель Московской Хельсинкской группы и кандидат на Нобелевскую премию мира. О Турчине я уже говорил. И эти люди могли не только политэмиграцию возглавлять, но и государство Российское! Чем они хуже Вацлава Гавела или Леха Валенсы? Но они выехали на Запад — и канули в политическое небытие. Оказались совершенно не нужны эмиграции. Да и сами не предпринимали должных усилий что-либо в эмиграции изменить, организовать. Турчин чуть-чуть попырхался и отвалился, затерялся в университетских коридорах. В чехословацкой эмиграции почти все лидеры профессорствовали, но и от политики не уходили — выполняли свой долг. Ведь политическая эмиграция всегда так или иначе, явно или скрыто влияет на положение дел на родине.

Так вот и получается, что в России и в российском обществе к власти, наверх то и дело поднимаются самые худшие люди. А «там, где первыми людьми становятся последние люди, все делается криво, фальшиво и чудовищно!» — как говорил Заратустра у Ницше.

В заключение познакомлю читателя со взглядом на нашу эмиграцию со стороны — с ироническим эссе Луи Мартинеза, одного из крупнейших французских славистов и переводчиков. Свое эссе он озаглавил «Похвальное слово русской цензуре»:

«Одно остается несчастным спутникам покинутой земли: цепляться друг за друга мертвой недоверчивой хваткой и создавать подобие потерянной жестокой и милой планеты: с внутренним одиночным гулагом, с портативной Лубянкой и карманной Старой Площадью. Писать «Правду» наизнанку. Распространять приемы «Крокодила» с примесью острожной похабщины и лагерного доносительства. Обличать, ругать, клеветать. Швыряться анафемой и злобными намеками. Кто не с нами — тот против нас! И так туго закрутить круговую поруку страха и злословия, чтобы ГБ стал по-настоящему вездесущим, всемогущим, как Господь Бог».

По поводу антизападной истерии в русской эмиграции:

«Запад ругать не зазорно! За распущенность нравов и нехватку танков. За то, что он, изойдя кровью после четырехлетней войны, не кинулся освобождать Россию от России же... Но главное — страдания! Они и дают нам право нахамить в три космоса! Плевать во все колодцы! В честь наших мучеников можем вести себя, как Присыпкин на том свете! Знай наших! Не верите? Наши вам покажут!.. Вашим будущим будет наше вчера и наше сегодня, с гулагом и террором по-нашему!... В наказание за то, что вы — не мы, вы будете нами, хотя и недостойны такой участи... Поняли?» («Синтаксис». №4. С.54)